

«У машины меня вдруг обнял человек высокого роста — я и не понял сразу,

Солдат из солженицынской батареи во многом повторил судьбу своего командира — фронт, лагерь, государственная несправедливость и даже испытание эмиграцией. Наверное, жизнь Ильи Соломина сложилась бы более благополучно, попади он в войну служить в другую часть, но свою встречу с Солженицыным этот человек не считает роковой.

Сергей НЕХАМКИН

Александр Исаевич Солженицын известен всем: Илья Соломин, человек незаменимый и скромный, всегда был в тени. Как человек из солженицынской биографии, он мельком вспоминался в книгах времен борьбы с «литературным власовцем»; иногда даже ликой сержант противостоял сомнительному капитану (Т. Ржезач); сам Соломин специальным письмом это противопоставление отверг. Недавно написал о нем и Солженицын. Во второй части «Двухсот лет вместе» (спор о которой за рамками этого материала) о Соломине сказано: «Боялся отлично всю войну насаждать». Известно, что на фронте это был самый близкий Солженицыну человек, который выполнял не только боевые приказы, но и порой непростые личные просьбы (в частности, привез из тыла к командиру повидаться первую жену писателя Наталью Решетовскую).

Илья Матвеевич Соломин живет сегодня в Бостоне, ему 82 года. Ясный ум, размеренная, чуть книжная речь и невероятная память: фамилии, даты, номерачастей и зон, жизненные подробности так и ссыпались в разговоре. Отвечая на вопросы, каждый раз уточнял — чему был очевидцем сам, а что предполагал или слышал от других. И еще. Обратите внимание — говоря о том, что пришлось пройти в жизни, Соломин никого не обвиняет. Даже тех, кого, казалось бы, имеет все основания ненавидеть. Люди, знающие его давно, объяснили — такой характер. Их свидетельства дополняют рассказ.

Итак, начало 1943 года. Призванный еще до войны, воюющий с 41-го, раненый под Ленинградом, сержант Илья Соломин после госпиталя снова на фронте; под Курском. Зенитный дальномерщик по первой воинской специальности, он направлен в 796-й отдельный артиллерийский разведывательный дивизион. Там его определили во вторую звукобатарею, командует которой высокий, худощавый, очень серьезный офицер по фамилии Солженицын.

«Я понял, что он критически настроен...»

— В звукобатарее погиб чертежник, и меня направили на его место. Но я не чертежником стал, а дешевиковщиком. Это считалось самой сложной профессией, я ее быстро освоил, тут Александра Исаевича и обратил на меня внимание.

— Каким Солженицын тогда был?

— Он выделялся из офицерской среды вдумчивостью и ответственным подходом к делу. Критически относился к нашей звукоразведке, переживал, что ее техника далеко отстает от немецкой. Это действительно, тогда был очень несовершенный род войск. Координаты, которые мы давали, иногда совпадали, иногда нет, многое зависело от метеорологии, других вещей, и Солженицын всегда важно было знать, насколько точно мы работаем. Когда продвигались вперед, постоянно проверяли по координатам точки, которые мы ранее указывали, — есть ли пораженные цели? Просто для себя. Помню, мы с ним ходили в штаб соседней пушечной бригады, которой командовал Герой Советского Союза полковник Ткаченко. Солженицын договаривался, что будет давать наши данные и им — по собственной инициативе. Я потом сам относил в штаб Ткаченко бумаги.

— В одной книге про вас пишут, что вы были одинарцем Солженицына, в другой — что старшиной батареи. Еще говорят, что на фронте вы стали самыми близкими к Солженицыну человеком...

— Чем ваша батарея занималась?

— По звуку пущенного выстрела засекала огневую позицию противника. Обслуживали тяжелую артиллерию, которая вела контрабатарейную борьбу.

— Это ближний тыл или фронт?

— Как считать. Батарея располагалась в нескольких словах. Кто-то на самой передовой, другие дальше. Звукопосто распологалась где-то в километре, центральная станция — глубже. В боях батарея участия не принимала, у нас была другая задача. Но война — это война. Нас с Метлинским и Кончиком Александр Исаевич раз послал уточнить линию фронта, и мы наскочили на группу немецких... не знаю, кто они, эсэсовцы или просто... только вооружены оказались очень хорошо. Меня в перестрелке ранено, это было второе мое ранение. Но кость не задело.

— Солженицыну выпадало в боях участвовать?

— Я же сказал — у нас были другие задачи. Я не помню, чтобы он непосредственно в боях участвовал, в боях пехота участвовала. А мы — только когда обстоятельства складывались. В окружении, например.

Моменты истории

— Про это окружение Солженицын пишет — то ли немцы нас окружили, то ли мы их. Как было дело?

— В январе 45-го наш Второй Белорусский фронт сделал стремительный марш-бросок и у

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

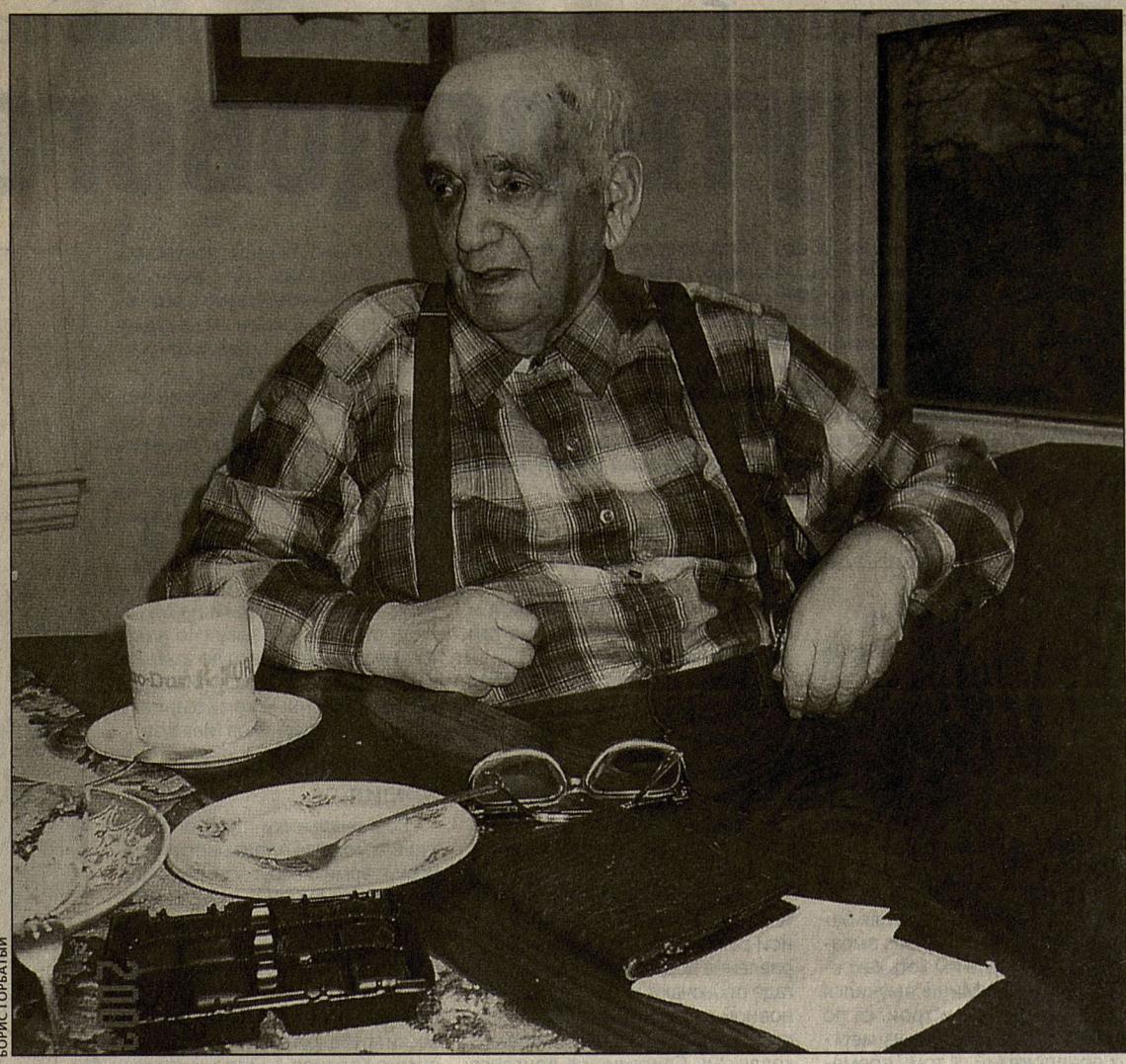
СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (р. 1918 г., Кисловодск) — русский писатель, лауреат Нобелевской премии (1970 г.). Вырос в Ростове-на-Дону. Окончил физико-математический факультет Ростовского университета (1941 г.). Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами Отечественной войны (1943), Красной Звезды (1944). В феврале 1945-го был арестован и приговорен к 8 годам лагерей.

Литературная слава пришла к А. Солженицыну после публикации в 1962 году повести «Один день Ивана Денисовича». Далее последовали рассказ «Матренин двор» (1963), романы «В круге первом», «Раковый корpus» (1968; опубликованы за рубежом), «Архипелаг ГУЛАГ» (1973; в СССР распространялся нелегально) — «опыт художественного исследования» государственной системы уничтожения людей в СССР, десятитомная эпопея «Красное колесо» (1971—1991). В 1969-м исключен из Союза писателей СССР. В 1974-м арестован, обвинен в «измене родине», лишен советского гражданства и без суда выведен из страны. В 1989-м началась широкая публикация произведений А. Солженицына в СССР. В 1994-м писатель с семьей вернулся в Россию.

РЕШЕТОВСКАЯ Наталья Алексеевна — первая жена Солженицына. По образованию — химик. Член Союза писателей России, автор шести книг.

ТАНИЧ Михаил Исаевич (1923 г., Таганрог) — известный поэт-песенник, заслуженный деятель искусств России. Участник Великой Отечественной войны, командир противотанкового орудия. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды. Отечественной войны I степени, орденом Почета, медалями. После войны жил в Ростове-на-Дону, поступил в инженерно-строительный институт, но окончить его не успел — в 1947 году был арестован. Руководитель популярной группы «Лесоповал».

ТУРКИНА Вероника Валентиновна — двоюродная сестра Натальи Решетовской, участница диссидентского движения.

Илья Соломин. 2003 г. Бостон, США

Сержант Соломин

1944 г. Наталья Решетовская приехала к мужу на фронт

1944 г. Центральная станция звукобатареи. Второй слева — Илья Соломин, третий слева — Александр Солженицын

Балтийского моря в Восточной Пруссии отрезал крупную немецкую группировку. Очень крупную. Эсэсовцы там оказались, бронетанковые части... Они перегруппировались и начали пробиватья. А цельная линия фронта еще

не успела сложиться, в результате звукобатарея попала в клещи. Александр Исаевич связывался со штабом, просил разрешения отступить. Ответили — стоять на месте. Тогда он принял решение: пока есть возможность — вывезти батарейную аппаратуру (это поручил мне), а самому остаться с людьми. Дал мне несколько человек, мы все оборудование погрузили в грузовик... Прорывались среди глубоких, по пояс, снегов, помню, как лопатами разрывали проходы, как машины толкали... Добрались до деревни Гроссерманнат, там был штаб дивизиона и командир — полковник Петр Федорович, очень хороший человек. Я ему доложился: дескать, по приказанию капитана Солженицына вывез технику БЗР-2 (так мы называли — «батарея звуковой разведки-2»). Пшеченко приказал строиться в колонну... Добрались мы до штаба корпуса. И там у машины меня вдруг обнял человек высокого роста — я и не понял сразу, что это Александр Исаевич: «Ильюша, я тебе по гроб жизни благодарен!»

— А он где был в это время?

— С личным составом. Мы расстались, когда они занимали круговую оборону. Но потом пришел приказ из штаба дивизиона — выходить из окружения. Как выпустился — не знаю, сам с ними не был. Но Солженицын ни

же отпускное удостоверение. Но я не боялась — фронтовому офицеру ничего не сделают за такой маленький обман.

В тот же день вечером мы с Соломиным уехали из Ростова... Родители его — евреи — хижили до войны в Минске. Соломин почти не надеялся, что они живы. Может быть, поэтому, даже когда он ульбился, его черные, немного выпуклые глаза на серье земле, чаще всего хмуром лице оставались грустными.

— Солженицыну еще помнили приезд жены на фронт в мае 44-го. Это ведь вы ее привозили?

— Я, Но, учитите, Солженицын не единственный такой был. Был момент, когда это вдруг стало модной — жен вызывать на фронт. На кануне наш командир Пшеченко свою вызвал. Наверное, тогда Илья и загорелся. Вы же поймите: война, мужчины четыре года женщин не видят... Что — честнее ППЖ заводить?

Из воспоминаний Натальи Решетовской, первой жены Александра Солженицына:

«Однажды ночью, часа в три, меня разбудил мамин голос: «Наташа, сержант приехал!» Выскочила, набросила халат поверх ночной сорочки, вошла в нашу первую большую комнату. На полу — молодой военный, в шинели, зимней шапке, с рюкзаком за спиной... Илья Соломин привез мне гимнастерку, широкий кожаный пояс, погоны и звездочки, которую я прикрепила к темно-серому берету. Дата выдачи краснодарской книжки свидетельствовала, что я уже некоторое время служила в частях. Было да-

было очень дружеские отношения, в свободную минуту я заглядывала к нему напрямую. Тут два незнакомых офицера входят: «Капитан Солженицын? Вы нам нужны». Он к ним подошел, дальше как-то короткий тихий разговор и потом: «Проехим на КП бригады». Выходит. Я следом. Во дворе «эмка». Садится, уезжают.

Не знаю, что меня толкнуло, но я почему-то сразу поняла: это — СМЕРШ и дела политических. Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги. Ящик скважил, отнес в лес и содерхимосстал быстро перекладывать в свой вешмешок. Вещмешок был со мной все время, после войны я все, что тогда спрятал, отдал Наташе.

— А что там было?

— Рукописи, книги... Письма... Переписка с друзьями, с Наташей, с какой-то студенческой знакомой, с Лавреневым — Александр Исаевич ему рассказывал свои

попало в руки следователям — еще вопрос, как бы все повернулось... Я потом видела бумаги, которые Соломин привез. Помню довоеволюционное издание «Войны и мира» и на полях комментарии его.

— Солженицын свой арест в «Архипелаге» описывает иначе. Говорят, что взяли его у командира бригады Травкина...

— А «эмка» к Травкину и поехала. Там официальный арест состоялся. Сан-Захар Георгиевич Травкин к Солженицыну с симпатией относился, особенно после истории с окружением. Вообще специально подчеркну: и в батарее, и в дивизионе Александру Исаевичу очень сопутствовали. После его ареста в батарее привез из политотдела Семёнов, собрание проводил: дескать, органы разоблачили врага народа. Слушали молча. Но все ведь знали, что мы с Исаичем дружили! И потом с глазу на глазе многие говорили — зря хорошего человека сбили. Офицеры сопутствовали...

— Вероника Туркина, двоюродная сестра Натальи Решетовской...

— Интересная женщина. И внешне, и по содержанию. Очень образованная — она же химикончики, диссертациюзащитила. Пианистка, как потом узнала, блестящая. Мы с ней тоже подружились.

— Арест Солженицына вы помните?

— Да, конечно. Только название деревушки вылетело, где все произошло. Я как раз зашел к Александрю Исаевичу. У нас уже

были очень дружеские отношения, в свободную минуту я заглядывала к нему напрямую. Тут два незнакомых офицера входят: «Капитан Солженицын? Вы нам нужны».

Он к ним подошел, дальше как-то короткий тихий разговор и потом: «Проехим на КП бригады». Выходит. Я следом. Во дворе «эмка». Садится, уезжают.

Не знаю, что меня толкнуло, но я почему-то сразу поняла: это — СМЕРШ и дела политических.

Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

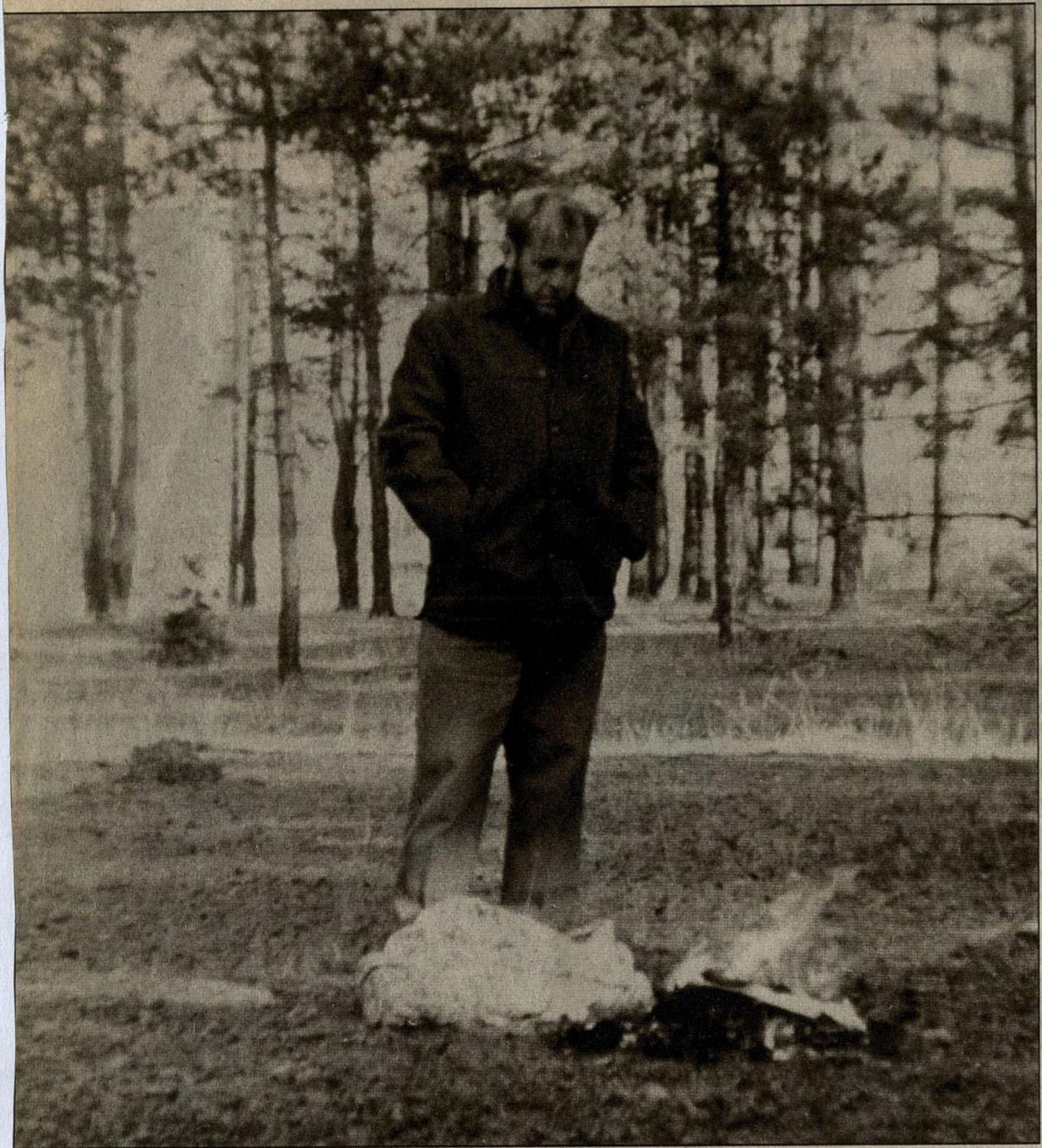
Побежал к батарейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный снарядный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги.

1940 г. Александр Солженицын и Наталья Решетовская. Молодожены

человек

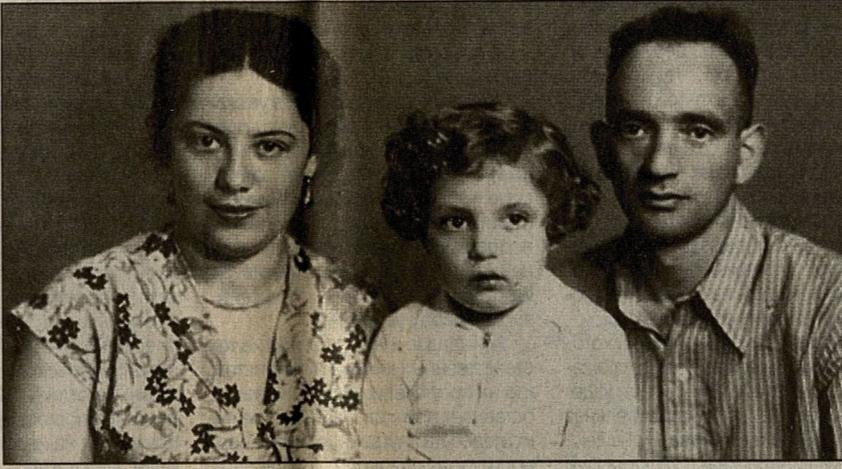
ЧТО ЭТО Александр Исаевич: «Ильюша, я тебе по гроб жизни благодарен!»

тоха борьбы с автором «Архипелага». Солженицын скигает черновики

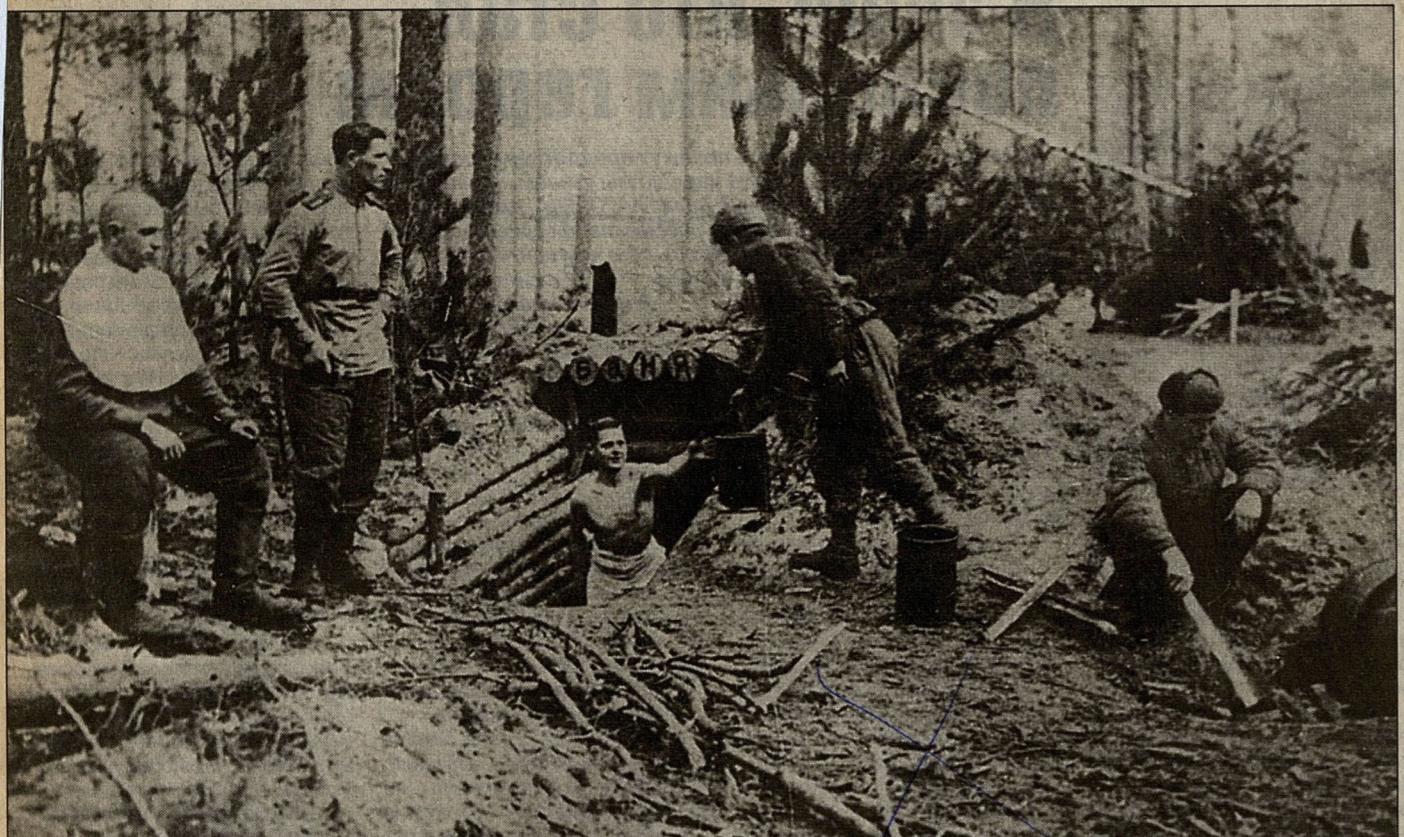

Михаил Танич попросил передать «подельнику» Илье Соломину свой телефон

Начало 1960-х. Жизнь налаживается. Первое семейное фото Ильи Соломина

и капитан Солженицын

1945 г. Батарея капитана Солженицына. Фронтовая башня

Добавлю про однополчан. Четвертый год вообще вышла одна ситуация... Я бумаги Исаича повез в Москву — Наташа тогда там в аспирантуре училась и жила у Вероники Туркиной. Прихожу — а у Туркиных сидят лейтенант Мельников, командир топографического взвода, и рассказывает, как дело было. Он, оказывается, тоже посчитал своим долгом навестить Илью в хижине... Мы растерялись оба — каждый ведь сам по себешел, каждый старался, чтобы без лишних глаз и ушей.

Между тезками
по отчеству

Те, кто верит во «власть империи», уверяют — тезки по отчеству в схожих ситуациях и ведут себя похоже. Интересно, определяет ли отчество схожесть самой ситуации?

Между Александром Исаевичем Солженицыным и Михаилом Исаевичем Таничем оказалась Илья Соломин на следующем жизненном этапе. Это случайное обстоятельство определило и судьбу Соломина, и судьбу Танича, и другие судьбы.

Михаил Танич:

— Илью Соломина я помню очень хорошо. После войны мы вместе учились в Ростовском инженерно-строительном институте, он на ГПС. Невысокий, курачёный, с залысинами, глаза чуть на-

выкаты, Илья ходил в стоптанных кирзах, в военной форме без погон — у него другой одежду не было. Кажется, носил на гимнастёрке орден Красной Звезды. Подрабатывал в институте электриком. Был умным — этакий философ, всегда смотрел в корень любого явления. Мы иногда выпивали вместе — Илья это умеет. Он был под большим влиянием личности своего командира батареи (которого тогда никто не знал), считал «Саню» особенным человеком и за быткой часто вспоминал. Жил он тогда на квартире у Решетовской.

— В Ростов поехали, потому что Солженицыны были ростовчане?

— Да. Предыстория такая. Я из Минска родом, и когда наши Минск взяли, естественно, рвали узнать, что с семьею. Но батарея проходила не через Минск, а километрах в двадцати от него. Солженицын попросил Пшеченко меня отпустить, тот не разрешил сначала, но через час вдруг подает его «виллис» и Пшеченко кричит: «Соломин! Быстро! Поехали, поищешь своих!» Привезжал ко мне на Революционную — дом разбит. Мотались по городу, искали знакомых, наконец нашли наушу дворничиху, Лищенко. Она и рассказала, что и отца моего, и мать, и сестричу... Про брата я еще раньше знал: попал в окружение, значит — плен, а еврей у немцев в плена — сами понимаете... В

общем, там, у дворничихи, я понял: на свете остался один. В каком состоянии вернулся в батарею — объяснять не надо. Исаич меня обнял, что-то говорил, потом сказал: «Кончай войну — поедешь со мной в Ростов. А еще через какое-то время я получил очень хорошее письмо от Наташи Решетовской. Наташа писала, что скорбила вместе со мной, но надо жить, и тоже — если пожелаю, то после войны могу не возвращаться в Минск, а ехать к ним. Квартира большая, четырехкомнатная, места хватит. Я и поехал — какая теперь разница?

— Как вас арестовали?

— Я жил уже не у Решетовской — снял уголь поближе к институту. Родители были патриархальные такие евреи, малограмотные, и отец мечтал, что я выучусь. Поступить — это был долг перед его памятью. Но же с 39-го в погонах! Все забыл! Выбрали вуз, где поменьше экзаменов, — строительный, там сдавали физику, математику и сочинение. Сочинение больше всего боялся. Писал по Толстому: «Патриотизм русского народа в романе «Война и мир». За экзамены отвечал такой Ш., он на собеседовании сказал, что сейчас уже другая трактовка темы, поэтому — трилогия, то по скользу я другие экзамены сдан на пять, то прохожу. И долго сидел в кабинет поболтать. Я, пару ласково беседовал. Вообще начал меня премечать, улыбался, приглашал в кабинет поболтать. Я, пару ласково беседовал. Вообще начал меня премечать, улыбался, приглашал в кабинет поболтать. Я,

откровенно поговорил. Знать бы тогда, что он стукач!

— Как вы это выяснили?

— После ареста. Вообще-то несчастный человек этот Ш. Сын у него лежал парализованный, потому что эвакуировался. Немцы его назначили директором техникума, отказалось побояться, да и сын... Наша пришла: «Ага! Пособничал врагу!» И ставят перед выбором: или начинаешь работать на органы, или... Не могу не отметить, он показаний дал по минимуму, в отличие от второго стукача, Д.

— Как вас арестовали?

— Я жил уже не у Решетовской — снял уголь поближе к институту. В ночь с 30 апреля на 1 мая 1947 года стук в дверь — громкий такой, бесцеремонный. Открываю — врывается трое: «Соломин! Собирайтесь! Оружие есть?» Я от их наглости тоже взъелся: «Ордер сначала покажите!» — «Ордер? Вот ордер!» — и суют мне ордер на Мишкино имя, Танича, в смысле. Мишка тогда, естественно, никаким знаменитым поэтом не был, просто — хороший парень, шебутной, красивый, остроумный... Учился на соседнем курсе, стендгазету с друзьями делал — весь институт покатывался. Мы с ним иногда брали бутылку, трепались — судья похожая, оба фронтовики, оба студенты... «Это не я!» Они глянули — действительно. «Дело поправимое. Вогташ». И суют мне другой ордер. А он на имя Буцева Николая, который третьим

1942 г. Александр Солженицын и командир дивизиона Петр Пшеченко

по делу пошел. «Тоже не я!» Наконец нашли нужный...

Михаил Танич:

— Илья лучше нас всех разбирался в жизни. Он очень быстро

понял, что нет смысла воевать с

органами на допросах, что если

взяли, то дело свое доведут до конца, — и начал признавать все. Я тогда очень обижался, у меня привычка другая — с этими людьми не говорить лишнего...

— Когда мне следователь ска

зал, что я обвиняюсь в создании

группы, я отвечал: «На суде пытались безмотивно отказать от данных

ранее показаний, но материалами предварительного следствия в до

статочной мере изобличены».

«Изобличены» мы были в том, что,

например, хвалили немецкие до

роги и приемник «Телефуненк».

Как к Илье относится? С одной

стороны — объективно это привел в мой дом людей, из-за которых я оказался в лагерях. С другой

стороны — Илья не знал, кто эти люди, и зла не хотел. Мы с ним остались друзьями, несколько раз встречались после отсидки, переписывались. Можете дать ему мой телефон, когда свяжетесь, пусть позвонит.

«Я на Костоглотова похож»

Вероника Туркина:

— Вообще-то история ареста Ильи — это история ареста Костоглотова из «Ракового корпуса». Я не говорю, что Илья прямой про

образ Костоглотова: характер, ис

тория его болезни — тут сам Со

лженицын. Но обстоятельства аре

ста — соломинские.

Александр Солженицын.

«...Моего следователя не удов

летворил слово «группа». Он лю

бил называть нас — шайка. Да,

наша шайка — шайка студентов

и студенток первого курса. Мы с

обратились, уживались за девочки

ми, а мальчики еще разговарива

ли. Их не устраивало, что мы

составляли группу, а они —

одинокие. Их не устраивало, что мы

составляли группу, а они —

одинокие.

Вероника Туркина:

— Какой Илья сегодня? Класси

ческий одесский пенсионер, толь

ко живущий в Бостоне. Их там це

ляя компания. В домино играют,

на лавочках в сквере беседуют...

Он по-прежнему хороший, доб

ры и очень верный человек».

Фото из личных архивов Натальи РЕШЕТОВСКОЙ и Ильи СОЛОМИНА

Конец 1960-х. Илья Соломин и Александр Солженицын

антисоветской партии, стало ясно: что-то доказывать бессмыслицей. Александра Исаевича вспомнил: такой человек, талантливый математик, многое мог стране принести — и все равно посадили! Стал соображать, как быть. Их про

машка с ордерами мне очень по

могла. Всего ордеров было три, я

видел. Значит, и по делу идут

трое — я, Мишка и Буцев. Но я дру

жил с Мишкой и не дружил с Буце

вым, мы втроем не собирались.

Значит, сдал кто-то четвертый, ко

торый знал каждого из нас, со все

ми пил. Этот человек легко вычис

ился — Д., капитан медслужбы,

сын известного ростовского врача.

Мне на допросе предъявили

подробнейшие конспекты наших

разговоров, которые Д. составлял

после каждой пьянки. Отпираться

было бессмыслицей, тем более

что нас начали лишать сна — а

сколько человек без сна продерж

ится? Я решил бить на другое.

Посадят всех, это я понимал. Воп

рос — сколько дадут? Нам шили

статью 58-11 — контрреволюци

онная организация, плохая статья,

крупный срок. Но организация по

тогдашним правилам — это когда

три человека. Один, два — не орг

анизация. Значит, если признать

сам факт разговоров и при этом

взять все на себя (я ведь не зна

л, как ведут себя на допросах дру

гие), то получится не организация,

а разговоры одного человека —

просто антисоветская пропаганда,

статья 58-10, часть первая, шесть

и. Я начал признаваться: да, го

ворили, но вас напутано — вот

этую фразу, в которой нас обвиняют,

сказал не Михаил, а я... И это я

сказал, и это... Получилось — что я

не отказывался, но и не показывал

ни на кого. По ходу допросов ста

ло ясно — а вот и слова, которые я

только Ш. говорил. То есть меня

ласили сразу два стукача: в инсти

туте — Ш., в свободное время — Д.

Тут мне чекистская затея окон